

*Абдулкарим Али Махди,
аспирант кафедри общего и русского языкознания БГПУ*

ВТОРИЧНЫЕ ФИТОНИМИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ В АРАБСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В условиях интеграции, глобализации, развития межкультурных коммуникаций современная лингвистика ориентируется на создание единой теории языка и человека, активно исследуется проблема влияния человека на язык и наоборот. Такое пристальное внимание лингвистической науки к человеку свидетельствует о важности антропоцентризма как основополагающего методологического принципа, где «не только «человек – мера всех вещей», но и «вещь – мера всех людей»» [1, с. 17]. Антропоморфная метафора, являющаяся одной из древнейших концептуальных структур в коллективном сознании общества [2, с. 384], свойственна многим языкам мира и относится к числу важнейших концептуальных метафор.

Человек как частица мира живой природы издавна сравнивал себя с животными, деревьями, растениями, предметами быта и артефактами, номинируя эти сравнения, отождествления и ассоциации и облекая их в словесные формы. В ряде случаев вербализация таких сближений осуществляется на уровне вторичных значений, типологическое и сопоставительное исследование которых на уровне разноструктурных языков позволяют установить универсальные и специфические признаки этих языков, специфику различия языковой картины мира у различных этноязыковых социумов.

Цель данной работы – сопоставительно-типологическое исследование вторичных фитонимических номинаций в русском и арабском языках. При этом под вторичными номинациями в работе понимаются переносные значения слов, возникшие вследствие употребления имеющихся языковых единиц для обозначения новых денотатов. Новое значение возникает в результате ассоциативных связей на основе уже существующих знаний об окружающей действительности. Алгоритм образования вторичного ЛСВ заключается в том, что

на основе общепринятого значения (его часто называют прототипическим) в результате различного рода идентификаций и отождествлений формируется новое значение лексической единицы, которое отражает концептуально новые знания.

В разряд фитонимической лексики включаются наиболее распространенные наименования деревьев, растений, кустарников, злаков, цветов, трав, овощей, плодов и др. В становлении фитонимической лексики большую роль сыграло ассоциативное мышление, ориентированное на связь между явлениями окружающей среды и растительными объектами номинации, в результате чего у многих фитонимических единиц на основе мотивировочных признаков, несущих объективную информацию об особенностях и свойствах растений и выполняющих своего рода гносеологическую функцию, происходит процесс номинации.

Изучение фитонимов имеет давние традиции. В настоящее время накоплен богатый опыт их исследования в плане определения тематических групп, территории распространения в разных языках, этимологии, лексической семантики, словообразовательной структуры, стилистики и др. (работы А.Д. Почепцовой, А.М. Вельштейн, А.В. Бородина, О.П. Рябко, М.Н. Лазарева, А.А. Рубченко, В.В. Копчевой, Е.Н. Чинка, В.Г. Арьяновой, А.Л. Итуниной, Н.Н. Забинкова, А.Ю. Белова, Л.П. Леонова, Ю.Г. Завалишина, Е.А. Булах и других исследователей).

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые подвергаются системному и формально-семантическому анализу полисемантические фитонимы современного русского и арабского литературных языков, описываются различные семантические типы и модели полисемантов, устанавливается набор ЛСВ фитонимов в каждом конкретном языке, выявляются универсальные

и специфические признаки этого разряда лексик в разносистемных языках. При этом раскрывается характер взаимоотношений и связей внутрисловной семантической парадигматики в составе смысловой структуры многозначных слов. Работа будет способствовать проведению фундаментальных исследований двух национальных концептосфер, что актуально для современной научной парадигмы.

Основные задачи исследования: выявить наиболее полный корпус вторичных номинаций в сопоставляемых языках, установить особенности формальных и смысловых связей ЛСВ в структуре многозначных слов, определить механизм образования вторичных ЛСВ, охарактеризовать процессы метафоризации и метонимизации фитонимов, определить источники мотивации (сферы-доноры), послужившие основой для образования вторичных ЛСВ, а также результаты мотивации (сферы-реципиента). Избранный в качестве объекта описания и сопоставления арабский язык является языком художественной, религиозной и научной литературы мусульманского Востока, в котором широко представлены легенды, пословицы, поговорки, аллегории, метафорические суждения, сравнения и другие образно-выразительные средства (они считаются сокровищницами человеческой мысли и опыта). Материалом для исследования послужили фитонимы, выявленные методом сплошной выборки из четырехтомного Словаря русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой (М.: Русский язык, 1981–1984), четырехтомного Словаря арабского языка / под ред. И.Ю. Крачковского (М., 1940–1946), а также двухтомного Большого арабско-русского словаря Х.К. Баранова (М.: Живой язык, 2011) и Русско-арабского словаря В.М. Борисова (М.: Сов. энцикл., 1997).

Этноязыковая специфика фитонимов во многом определяется способностью носителей арабского и русского языков к различного рода переосмыслениям. Образование вторичных ЛСВ связано со способностью слова интерпретировать новые типы ситуаций и новые объекты окружающего мира через уже существующие в языке единицы, которые не просто номинируют какой-либо новый предмет, признак или действие, но и дают ему характеристику, определяют его место в аксиологической системе языка. Каждый образ, заключенный во вторичных ЛСВ, по мнению Н.В. Павлович, «существует не сам по себе, а в ряду других – внешне, возможно, различных, но в глубинном смысле сходных образов – и вместе с ними реализует некий закон, модель, правило...» [3, с. 7]. Дифференциаль-

ные признаки, мотивирующие возникновение вторичных значений, как отмечает Е.В. Колоско, часто возникают на уровне самых обобщенных категориальных представлений о свойствах, качествах, состояниях и действиях [4, с. 136].

Среди большого числа разновидностей фитонимов наиболее представительными по количественному составу являются наименования деревьев. Почти у половины таких номинаций фиксируются вторичные ЛСВ, образованные по регулярным метонимическим моделям «дерево → его плод»: рус. *абрикос* (араб. *meshmesh*), *гранат* (араб. *roman*), *миндаль* (араб. *luz*), *слива* (араб. *barqiq*), *рябина* (араб. *qubaira*), *фига* (араб. *tin*), «дерево → его древесина»: рус. *дуб* (араб. *ballot*), *орех* (араб. *chuz*), *дерево* (араб. *oud*), «дерево → краситель, извлекаемый из древесины этого дерева» (рус. сандал). У русских существительных *ель*, *береза*, *ива*, *вяз*, *липа*, *кипарис*, *клен*, *осина*, *пальма*, *тополь*, в отличие от их арабских соответствий, вторичные ЛСВ в толковых словарях не фиксируются.

Аналогичное смысловое развитие получают и наименования растений кустарников, злаков и овощей, вторичные ЛСВ у которых образовались по метонимическим моделям (в их синекдохической разновидности): а) «растение → его плод»: рус. *виноград*, *смородина*, *малина*, *шиповник*, *клюква*, *дыня*, *огурец*, *помидор*; б) «растение → съедобные корни (клубни) этого растения»: рус. *морковь*, *редька*, *репа*, *картофель*, *лук*; в) «растение → семена этого растения»: рус. *горох*, *кукуруза*, *мак*; г) «растение → его плоды (семена, корни, бутоны), употребляемые в качестве приправы, пряности»: рус. *звездика*, *горчица*, *имбирь*, *кардамон*, *хрен*; д) «растение → отвар (напиток) из него»: рус. *малина*, *мята*, *слива*; е) «растение → его листья и стебли, употребляемые для курения»: рус. *табак*. Эти примеры подтверждают факт устойчивости и повторяемости метонимических моделей, что объясняется регулярностью и продуктивностью образования вторичных ЛСВ у слов, обозначающих общеизвестные «понятия и предметы из ближайшего окружения человека» [5, с. 113].

Метонимизация первичных значений наблюдается у многих арабских существительных, образование вторичных ЛСВ которых обусловлено прагматическим подходом субъекта к объекту номинации, то есть использованием растений в пищу или в лечебных целях, ср.: *znchabil* (рус. *имбирь*) 'растение; вино; лекарственное средство, используемое в медицине'; *zaezafun* (рус. *липа*) 'липа; неплодоносная

рябина; лекарственное средство'; *kana* (рус. *эвкалипт*) 'эвкалипт; растительное вещество; хинина – порошок, используемый в медицине'; *qerpha* (рус. *кассия*) 'травянистое растение; его кожура, используемая для загара'; *kastana* (рус. *каштан*) 'каштан; пьянящее блюдо, приготовленное с сахаром'; *qubaira* (рус. *рябина*) 'рябина; сироп; вино'; *zabeb* (рус. *изюм*) 'изюм; местная водка'; *neona* (рус. *мята*) 'мята; мятные таблетки; мятные конфеты'; *akonet* (рус. *аконит*) 'горное растение; токсичное наркотическое вещество'; *bench* (рус. *белена*) белена; тип наркотиков; китайское блюдо'; *hashish* (рус. *трава*) 'трава; гашиш'; *nabiq* (рус. *крушина*) 'крушина; мука, используемая в виноделии'.

У некоторых арабских субстантивов развились вторичные ЛСВ колоративного типа: *archwany* (рус. *сирень*) 'сирень; красный, фиолетовый цвет'; *warda* (рус. *цвет*) 'цветок; окраска; покраснение горизонта на закате или восходе солнца'.

Специфическим является вторичный ЛСВ 'музыкальный инструмент', фиксируемый у арабских наименований цветов: араб. *zanbaqa* (рус. *лилия*) 'лилия; гобой', *zanbaq* (рус. *ландыш*) 'ландыш; гобой'. У арабского существительного *oud* (рус. *дерево*), кроме вторичного ЛСВ 'музыкальный инструмент', фиксируются значения 'тип ладана', 'привычка'.

В процессе номинации осуществляется уподобление мира растений миру реально существующего человека. Ведь человек выступает в качестве центрального и универсального понятия не только в концептуальной, но и языковой модели мира. Во вторичных ЛСВ прочно закрепились сведения и представления о человеке, его национальности, социальном положении, роде занятий, месте жительства, возрасте, умственных способностях и других морально-этических, эстетических и прагматических установок. Возникновение таких ЛСВ связано со сложившимися культурными и мировоззренческими традициями народа. Антропоморфные номинации, образованные от фитонимов, в большей степени характерны арабскому языку. В русском языке такие наименования единичны: ср.: *дуб* 'крупное лиственное дерево; нечуткий, тупой человек'; *лопух* 'травянистое сорное растение; простоватый, несообразительный человек'. В арабском языке вторичные антропоморфические номинации представлены довольно большим составом. Ср.: *ballot* (рус. *дуб*) 'лиственное дерево; нечуткий, тупой человек'; *sabar* (рус. *кактус*) 'кактус; нетерпеливый человек'; *ableh* (рус. *лопух*) 'лопух; тупой, человек, дурак'; *salcham* (рус. *репа*) 'репа; рапс; человек с длинной головой и густой бородой'.

Ассоциативная связь между первичным и вторичным антропоморфических ЛСВ в одних случаях находится на поверхности и носит метафорический характер, в других – вскрывается при этимологическом анализе: *alhor* (рус. *осина*) 'осина; тополь; красивая женщина'; *tamatem* (рус. *помидор*) 'помидор; иностранец'; *abal* (рус. *шиповник*) 'шиповник; толстый и полный человек; симпатичная и привлекательная женщина'; *shum* (рус. *вяз*) 'лиственное дерево; злой человек'; *after* (рус. *гриб*) 'гриб; человек, который не соблюдает пост во время Рамадана'; *qara* (рус. *кабачок*) 'кабачок; тот, кто мало спит'; *fulfil* (рус. *перец*) 'перец; девушка с вьющимися волосами'.

Носителям арабского языка известны не все виды деревьев. Так, в Ираке не встречаются такие деревья, как береза, вишня, калина, черемуха и др. По этой причине соответствующие названия не получают семантического развития и в словарях тарифицируются как моносемантические. Своеобразным исключением из этого является существительное *batola* (рус. *береза*), развившее вторичный ЛСВ 'девственница'. Такая символика связана с белым цветом коры дерева, который ассоциируется во многих культурах с чистотой и целомудрием. В арабском языке существительное *zaezafun* (рус. *липа*) имеет негативные коннотации, что, скорее всего, связано с тем, что липа цветет, но не дает плодов. Возможно, этим фактом обусловлено возникновение пейоративного ЛСВ 'тот, кто обещает, но не выполняет обещаний'. Кроме того, у араб. *zaezafun* (рус. *липа*) отмечается зооморфический ЛСВ 'верблюд'.

Метонимическая модель 'растение → человек, обрабатывающий или продающий такие растения' наблюдается у араб. *hell* (рус. *кардамон*) 'травянистое тропическое растение; продавец кардамона'.

Во многих случаях в семантической структуре слова наряду с антропоморфическими ЛСВ употребляются и другие ЛСВ, ориентированные в сферу транспортных средств, бытовых предметов и артефактов: *sandal* (рус. *сандал*) 'вечнозеленое тропическое дерево; корабль; баржа; кожаная обувь; человек с огромной головой'; *labukh* (рус. *фикус*) 'вечнозеленое дерево; месиво, каша; мясистый, толстый человек; хулиган'; *khezaran* (рус. *драцена*) 'драцена; бамбук; тростник; грациозная нежная девушка; пассажир корабля'; *zahra* (рус. *цветок*) 'цветок; красивая девушка; цвет'; *saber* (рус. *алоэ*) 'тропическое и субтропическое травянистое растение; терпение; человек, который терпит лишения и неприятности'; *khia* (рус. *огурец*) 'огурец; корица;

стручковая кассия; человек, соблюдающий этикет'; *khezaran* (рус. бамбук) 'бамбук; тростник; копье; пассажир корабля'.

Все ЛСВ субстантива *kheshkhash* (рус. мак) объединяются общей семьей квантитативной направленности: 'мак; группа людей, которые владеют оружием; конгрегация людей'.

В смысловых структурах многих арабских полисемантов фиксируются ЛСВ зооморфического содержания. Формирование таких номинаций осуществляется на основе сопоставления отличительных признаков растений с характерными признаками представителей фауны, названия которых часто выступают в качестве метафоризированного модификатора: араб. *busal* (рус. лук) 'лук; мышь'; *warred* (рус. роза) 'роза; шафран; стая птиц; лошадь красной окраски'; *tamur* (рус. финик) 'финик; вид красивой птицы'.

Вторичные ЛСВ реципиентной зоны в отдельных случаях включаются в состав соматизмов (названий частей тела животных и человека): *qasab* (рус. камыш) 'тростник; камыш; бамбук; парча; спина; талия; суставы'; *qarena* (рус. кизил) 'кизил; прозрачная передняя часть стенки глазного яблока'; *qaseb* (рус. тростник) 'тростник; камыш; трость; талия; спина'; *rachla* (рус. портулак) 'портулак; нога; женщина'.

Во многих смысловых структурах арабских полисемантов фиксируется довольно широкая парадигма, включающая ЛСВ, соотносимые с растениями, животными, птицами, людьми и др.: *semsem* (рус. кунжут) 'кунжут; красные муравьи; птица; лиса; яд; активный мужчина; змея'; *kariz* (рус. черешня) 'черешня; ловкий и умный человек; сокол'; *laphet* (рус. брюква) 'брюква; сторона чего-либо; глупый человек; корова'.

Образование вторичных ЛСВ может носить экзоцентрический или эндоцентрический характер. Экзоцентрический тип переноса не предполагает какого-либо существенного изменения исходного ЛСВ. Как правило, и первичные, и вторичные ЛСВ не выходят за пределы фитонимического поля и соотносятся между собой как обозначения разновидностей растений, их видов, родов: араб. *salcham* 'репа; рапс', *alhor* 'осина; тополь', *khezaran* 'драцена; бамбук; тростник', *khezaran* 'бамбук; тростник'. При эндоцентрическом переносе вторичные ЛСВ являются представителями различных семантических полей и характеризуются относительной самостоятельностью. Большинство рассмотренных в статье ЛСВ относится именно к этому типу.

Таким образом, системный анализ лексики разноструктурных языков, являющийся

одним из основополагающих методологических принципов современной лингвистики, позволяет выявить общие и специфические для каждого из этноязыкового социума вторичные ЛСВ. В них выражается многоуровневая проекция фитонимов на сферы человеческой жизни и окружающей его реальной действительности, на формирование концептуальной картины мира. Наименования растений в их вторичной семантической функции включаются в разряд соматизмов, антропоморфизмов, зооморфизмов, различного рода артефактных континуумов и абстрактных понятий. Связь между первичным и вторичным ЛСВ основывается на метафорической и метонимической закономерностях. При метафоре, как правило, актуализируется сема 'сходство фитонимов с другими явлениями объективной реальности'. При метонимии перенос осуществляется по регулярным и продуктивным моделям, «дерево → его плод (древесина)», «растение → съедобные корни (клубни) этого растения, его плоды, листья, стебли и др.». В ряде случаев между исходным и вторичным ЛСВ смысловая связь практически не выявляется (или вскрывается при специальном этимологическом исследовании), и между такими единицами устанавливаются, скорее, омонимические, а не семантические отношения. Такие случаи в большей степени характерны арабскому языку. В количественном плане вторичные фитонимические номинации наиболее представлены в арабском языке. Самыми разветвленными оказываются семантические парадигмы у арабских наименований растений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического / В.Н. Топоров. – М.: Прогресс. Культура, 1995. – 621 с.
2. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358–386.
3. Павлович, Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н.В. Павлович. – М.: РАН, Ин-т рус. яз., 1995. – 491 с.
4. Колосько, Е.В. Особенности семантического развития метафорической лексики, объединенной одним типом регулярных переносов наименования / Е.В. Колосько // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2002. – С. 132–140.
5. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков) / В.Г. Гак. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.

SUMMARY

In the article on the material of the Arab and Russian languages secondary phytonimical nominations

are considered. The particular set of formal and semantic relationships of lexical semantic variants in the structure of ambiguous words is determined. The mechanisms of secondary values are defined. The sources of motivation (sphere-donors) that led to the formation of secondary lexical semantic variants, as well as the results of motivation (the scope of the recipient) are estimated. The processes of metaphori-

zation and metonymizaion of phytonym are characterized. Metonymization of primary values is observed in many Arab nouns/ the formation secondary of LSV is caused by a pragmatic approach of the subject to the object of nomination, i.e. the use of plants for food or medicinal purposes.

Поступила в редакцію 27.03.2014 г.

Резидентський БДПУ